

дентов с понятием “экология”, международной экологической организацией “Гринпис”, психологической экологией, экологическим состоянием нашей планеты. Многочисленные задания к текстам развивают у студентов умения оперировать этой информацией во всех видах речевой деятельности. Для учащихся среднего этапа обучения предназначено еще одно учебное пособие РУДН “Читаем, обсуждаем”, 1997 (авторы *Н.Е. Кухаревич, М.Б. Будильцева, Н.И. Киселева*), в котором такие тексты, как “Послание богов”, “Необычайный конкурс”, “Природа пела ему гимн”, “Уснувший мальчик” посвящены проблемам экологии и помогают развитию у учащихся экологических знаний.

Для учащихся продвинутого этапа предназначен “Практический курс русского языка для иностранных учащихся” (автор *Н.М. Лариохина*), вышедший в МГУ в 1997 г. Ряд уроков курса содержит статьи, объединенные экологической тематикой: “Байкал у нас один”, “Угрожает ли нам еще один всемирный потоп?”, “На дальней станции сойду...”, “Сохраним ли среду обитания?”, “Переживет ли человечество XXI век?” Учащиеся обсуждают взгляды и предложения ученых, обмениваются мнениями по вопросам экологии, спасения земной цивилизации, выживания человека в ходе организуемых тематических дискуссий.

Е.И. Гринкевич, Е.Г. Тарасович
г. Минск

ДИСКУРС РОДИТЕЛЯ И РЕБЕНКА: СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Под дискурсом мы вслед за Ю.С. Степановым понимаем “особое использование языка для выражения особой ментальности”¹; при этом предполагается, что “особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики”².

Специфика понимаемой таким образом “особой ментальности” (а точнее, двух взаимообусловленных и вместе с тем противопоставленных типов ментальности) является предметом рассмотрения в данной работе, посвященной анализу ряда коммуникативно-прагма-

¹Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 38.

²Там же. С. 38–39.

тических параметров дискурса родителя и ребенка. Выбранный нами коммуникативно-прагматический ракурс анализа предполагает сосредоточение исследовательских усилий в первую очередь на дионтических дискурсивных параметрах при неизбежном элиминировании ряда эпистемических факторов. Так, в работе нами не учитываются те особенности дискурса ребенка (и соответственно особенности коммуникативного взаимодействия родителя и ребенка), которые связаны с неизбежными до определенного возраста лакунами в его языковой компетенции (незнание ряда лексических и фразеологических единиц, невладение определенными синтаксическими конструкциями, непонимание сложных стилистических фигур, тропов и т.п.) В работе рассматриваются те различия в дискурсе родителя и ребенка, которые предопределены социально конвенциализированными представлениями о том, что допустимо и/или приемлемо, а что недопустимо и/или неприемлемо в речевом поведении родителей и детей. Разумеется, речь при этом идет о некоем усредненном варианте общения родителя и ребенка (мы не можем, особенно в рамках небольшой по объему работы, учитывать специфические варианты речевого поведения в семьях с подчеркнуто демократичным или, напротив, авторитарным стилем общения); при этом мы отдаем себе отчет в том, что представления о такой усредненной норме не могут не быть — во всяком случае, до некоторой степени — субъективным исследовательским конструктором.

Как классическая теория речевых актов (далее — РА), так и исследования, представляющие собой ее дальнейшее развитие, выделяют в качестве основной характеристики РА иллокутивную цель. Определение понятия иллокутивной цели представляет собой более сложную задачу, чем это может показаться на первый взгляд; кроме того, в лингвистической прагматике существуют теории, которые вообще признают иллокутивную цель фундаментальным неопределяемым исходным понятием иллокутивной логики¹. В качестве же рабочей дефиниции цель иллокутивного акта можно определить как “замысел, внутренне присущий ему как акту данного типа”² или как “цель, намерение говорящего, ради которого делается высказывание”³. Анализируя один тип иллокутивных актов, а именно директивные РА, с точки зрения их приемлемости и допустимости в дискурсе родителя и ребенка, мы постараемся выяснить, как распределены иллокутивные зоны в данном фрагменте дискурсивного про-

¹Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М.: Прогресс, 1986. С. 252.

²Там же.

³Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158.

странства. Интуитивно понятно, что в сфере директивных РА выделяют три их подтипа:

- а) РА, приемлемые только в дискурсе родителя;
- б) РА, приемлемые только в дискурсе ребенка;
- в) РА, в равной степени приемлемые в обоих типах дискурса.

Предметом нашего анализа являются в первую очередь РА первого и второго подтипов.

На наш взгляд, важнейшим дифференциальным признаком, разделяющим анализируемую иллокутивную сферу на названные подтипы, является признак “обладание властью”. Так, только в родительской речи допустимы жесткие разновидности директивных РА, которые описываются глаголами *велеть*, *командовать*, *приказывать*, *требовать*, ср.:

— *Опять эта собака здесь! — закричала она (мать). — Так вот почему у тебя не хватает времени заниматься! Я ведь тебе велела прогнать ее, а ты снова привел! (Носов Н. Витя Малеев в школе и дома);*

А папа не сходил со своей табуретки и все командовал:

— *Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! (Драгунский В. Куриный бульон);*

— *Немедленно садись за уроки! — приказала мама и взяла трубку. (Гераскина Л. В стране невыученных уроков).*

Как отмечает М.Я.Гловинская, “общим для требований и приказов является желание субъекта РА, чтобы адресат нечто сделал, его предствление о том, что адресат должен это сделать (= что ему нельзя этого не сделать). Через элемент “нельзя” в эти РА вносится идея наказания за невыполнение”¹. Очевидно, что наказать за невыполнение директивы может только тот из говорящих, кто имеет ее ответствующий социальный статус и обладает властью над адресатом, — в данном случае, разумеется, родитель.

На грамматическом и лексическом уровнях это обстоятельство имеет целый ряд последствий. Так, только в родительском дискурсе естественны директивные РА с характерными маркерами жесткости и категоричности, например, инфинитивные предложения типа *Не медленно все убрать!*, использование показателей типа *сейчас же сию минуту, немедленно, а ну, тебе говорят* и т.д.

В то же время исключительно в дискурсе ребенка приемлемы разновидности директивных речевых актов, которые описываются глаголами *клянчить/выклянчивать*, *выпрашивать*, *канючить*, *проситься*, т.е. теми глаголами, которые, по мнению М.Я.Гловин-

¹Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 190.

ской, обозначают “преодоление невнимания или сопротивления”¹, ср.:

Петя ходил за тетей, наступая на шлейф, и канючил:

— *Тетя, что же вы меня не слушаете? Послушайте!..*

— *Ты видишь, я занята.*

— *Тетя, ну что вам стоит!*

— *Завтра расскажешь.*

— *Ой, какая вы в самом деле! Не даете рассказать. Ну, тетя же!*

— *Не путайся под ногами. Расскажи Дуне (Катаев В. Белеет парус одинокий).*

Очевидно, что подобные ситуации предполагают неоднократное повторение просьбы субъектом РА и, как минимум, однократный отказ или игнорирование просьбы адресатом. Именно последнее обстоятельство дает возможность связать факт эксклюзивной принадлежности рассматриваемых РА дискурсу ребенка с понятием власти: очевидно, что говорящий, обладающий властью над слушающим, не нуждается в неоднократном повторении своих директив (хотя, разумеется, может по доброй воле прибегать к такому повторению, ср. естественность в речи родителей таких РА, как уговаривание и упрашивание).

Таким образом, иллокутивная сфера директивности распределена между родителем и ребенком асимметрично: правила хорошего “иллокутивного тона” предписывают ребенку употребление мягких и нейтральных директивных РА, в то время как родителю принадлежит практически вся зона директивности (от мягких уговоров и просьб до жестких приказов и требований), за исключением названных выше специфически “детских” РА. По нашему мнению, именно с этим обстоятельством связаны настоячивые наставления родителей о необходимости говорить слово *пожалуйста* — это постоянное напоминание ребенку о его иллокутивных правах, подчеркивание того обстоятельства, что наиболее приемлемый в речевом поведении ребенка директивный акт — это просьба, маркером которой и является соответствующее “волшебное слово”.

Интересно отметить, что в процессе рецепции детской речи родителем и, наоборот, может наблюдаться не вполне адекватная интерпретация слушающим иллокутивной цели РА, причем интерпретативный сдвиг связан с “подтягиванием” соответствующего РА в сторону специфически “родительской” или специфически

¹Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 181.

“детской” иллокутивных зон. Последнее обстоятельство хорошо согласуется с принятыми в современной лингвистике представлениями об особенностях прагматического понимания; как отмечает, например, Ван Дейк Т.А., “при прагматическом понимании мы не только выделяем характерные черты ситуации, но и используем имеющуюся *схему для анализа* данного прагматического контекста. Так, если речевая ситуация удовлетворяет набору (заданных) *ключевых параметров*, то ее можно рассматривать как допускающую совершение некоторого набора возможных речевых актов”¹.

Вероятно, в соответствии с такой стандартной интерпретативной схемой, ребенок, услышав даже некатегоричное распоряжение родителя, вполне может интерпретировать его как требование, ср.:

Тут папа взглянул на меня.

— Ну ка, Денис, — сказал он, — вместо того, чтобы выдуть третий стакан чаю на ночь, пойдешь к письменному столу, возьми там коробку “Казбека” и укороти папироски...

Я пошел к столу, нашел папиросы и ножницы, примерил портьсигар и сделал все, как он велел. (Драгунский В. Одна капля убивает лошадь; разрядка наша — Е.Г., Е.Т.)).

В свою очередь родитель, услышав просьбу, вполне может идентифицировать РА как выклянчивание или выпрашивание (в приведенном ниже примере родитель, правда, не слышит, а “видит” просьбу, так как она выражена ребенком при помощи паралингвистических средств):

На воскресенье Дмитрий Максимович пригласил папу на охоту. Я посмотрела на Дмитрия Максимовича, он молчал. Потом я посмотрела на папу. Папа тоже помолчал, подмигнул Дмитрию Максимовичу и сказал:

— Оля, выйди на кухню. Мы тебя позовем. ... Папа позвал меня в комнату.

— Ну, так и быть. Выклянчила. Поедешь с нами, — сказал он ворчливо.

Я только посмотрела на него, и это уже называется “выклянчила”! (Кисилев В. Девочка и птицелет).

На наш взгляд, факты подобной переинтерпретации убедительно свидетельствуют о весьма устойчивом закреплении в языковом сознании говорящих представлений о статусном распределении соответствующих иллокутивных зон.

¹Ван Дейк Т.А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 20.